

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 20 МАЙ 1988

ВОСТОЧНЫЕ
МОТИВЫ

ФЕНОМЕН
АЛЬФРЕДА
ШНИТКЕ

ПОЭТ
И
ГЕНЕРАЛ

БУДЕМ ДОБРЕЕ

81

струнной» я рассорился. И с особым отделом не в большой дружбе был. Однажды, признаться, приколотил в сердцах палкой нашего особиста: он велел крестьянскую избу на бревна раскатать, под блиндаж для своего отдела... И другой случай был...

Горбатов рассказал, что уже когда воевали на земле Польши и Восточной Пруссии, к нему на КП явился посланец из разоренного войной Донбасса, просивший крепезного леса для восстановления шахт: узнал откуда-то, что армия Горбатова захватила немецкие склады с тесом. Горбатов пожалел шахтеров с безлесной Украины и приказал загрузить трофейным тесом порожняк, отправлявшийся на Восток. Это сочли грубым самовольством, был пущен слухок, что тес отгружен для генеральских дач. Доложили Сталину, он велел создать комиссию и, когда выяснились истинные обстоятельства дела, произнес, ухмыльнувшись, свою опасную шутку, которая потом, через годы, льстила самолюбию Александра Васильевича: «Горбатова могила исправит!»

Генерал разговорился, щеки его покраснели, он стал чертить столовым ножом на скатерти план какой-то боевой операции, пока Нина Александровна, появившись за его стулом, молча не вынула из его руки нож, сочтя это, видно, нарушением этикета:

А Твардовский примолк, обхватил руками голову и глядел влюбленными глазами на генерала. Разошлись в тот вечер поздно.

Эта встреча запомнилась накрепко, хотя много раз мы виделись с Горбатовым и позже. Помню его в парадном мундире и с полной грудью орденов в президиуме собрания в Доме журналиста, посвященного 40-летию «Нового мира». Помню на спектакле «Теркин на том свете» в Театре сатиры, где он, растрогавшись, обнял Твардовского в проходе партера — вечер того дня мы провели в доме у Никитских ворот.

Не раз заходили мы потом и вдвоем с Сацем в эту квартиру с вечно открытой наружной дверью. Как-то, вспоминается, пришли и застали Горбатова с Ниной Александровной в сумерках: они сидели рядом на диване, не зажигая огня, о чем-то тихо разговаривали и очень обрадовались нашему неожиданному появлению. Шестидесятые годы шли к концу, некоторые темы вновь стали запретными, книгу «Годы и войны», изданную лишь единожды, стали изымать из армейских библиотек.

Когда сели ужинать, Горбатов, как когда-то, стал говорить о бедах 41-го года, о напрасных потерях. Возвращался по-стариковски дважды и трижды к уже слышанным нами рассказам. Но я заметил, что, повторяя одно и то же, он — противу обыкновения большинства рассказчиков — ни слова не прибавляет и не убавляет по дороге, точно держится канвы уже известных нам фактов: его щепетильная правдивость подкупала. И снова: «Подумать только — взводные командиры полками командовали, дивизиями в лучшем случае — ротные...» И снова: «Каких ребят положили в последних уличных боях. Окружить бы — немец сам сдался...»

Рассказал, впрочем, и нечто новое. Неожиданно назвался следователем Столбунский, названный в его книге, — кто-то из читателей сообщил: жив, здоров, живет в проезде Серова. Горбатов потребовал, чтобы человек, вымогавший у него побойные ложные признания, был наказан. Конечно, к уголовной ответственности его не привлекли, даже пенсии не лишили. Но, человек не мстительный, Горбатов побывал все же на собрании в жэке, где Столбунского исключали из партии. Тот, смертельно испуганный, повторял как заведенный: «Горбатова я пальцем не тронул, пальцем не тронул...» Лгал, конечно. Но защищался он, помнится, ссылкой на то, что Горбатов так и не подписал на себя вынужденного «признания» в предательстве Родины, а ведь кругом все подписывали...

Разумеется, дело было не в либеральности следователя, а в железном характере, исключительном мужестве и упорстве Александра Васильевича. Человек, давший в шестнадцать лет нравственный зарок и оставшийся верным ему всю жизнь, мог ли он уступить неправде под любыми пытками?

Мы, не ведавшие этих мук, не судьи страдальцам. Но в книге Горбатова отчетливо слышится гордость, что, несмотря на все испытания и нечеловеческие муки в период следствия, он не сломался, не оболгал себя — и вырвал у судьбы шанс вернуться. Была в расуждении Горбатова даже легкая тень укора другим, более слабым душам, и это уж не вполне справедливо. Но, пожалуй, Горбатов в своих воспоминаниях первый открыл механизм слабости, каким пользовались палачи. В ту пору среди растерянных и несчастных людей, раздавленных совершенной с ними несправедливостью, родилась чудовищная иллюзия, что скорое признание в самых страшных злодеяниях и оговор возможно большего числа невинных заставят скорее лопнуть чудовищную ложь. Спасались мыслью, что это такая нелепость, в какую уже никто не поверит. Верили. (Вспоминается, замечу в скобках, как на одном совещании в конце 50-х годов ко мне подошел человек и представился: «Резидент негуса абиссинского». Я счел это нелепой шуткой. Оказалось — точная формула обвинения. Агенты «сигуранцы» и японские шпионы — это уже приелось, казалось пресным, и следователи развлекались экзотическими признаниями жертв.) Счастье Горбатова, обладавшего не только физическим здоровьем, но и исключительной моральной стойкостью, что он смог выдерживать эти муки и выйти на свободу.

Я с восхищением смотрел на этих двух людей — Горбатова и его жену. Чтобы человек, осужденный в конце 30-х к 15 годам лагеря, уцелел и еще до войны вышел, оправданный, на свободу, такие случаи сравнительно редки и до сих пор встречаются порой недоверчивым взглядом: что-то, мол, тут не так, либо генерал чего-то недоговаривает, либо его жена имела возможность нажать на какие-то особые пружины. И отчего-то саму ее не посадили, как многих, чтобы неподавно было хлопотать за арестованного мужа?

Все верно, и железная машина репрессий почти не знала сбоев. И все же уступала порой той стойкости, что была у Горбатова, той беззаветности, какой обладала Нина Александровна. Их урок в том, что нельзя пассивно цепенеть перед непреодолимой силой зла. Надо кричать, звать на помощь, биться во все закрытые двери, стоять на своем, не уступать до последнего — даже когда сопротивление, по видимости, безнадежно...

Подбираю обретенную нить воспоминаний. Человек благодарный, Горбатов, встречаясь с кем-либо из нас, новомирцев, не забывал поблагодарить за любое доброе сотрудничество и с особой сердечностью говорил о Твардовском. «Я понял: это удача, что я пришел именно в ваш журнал. Твардовский — смелый человек». В такой скромной похвале из уст генерала, не сорившего словами, заключалось высшее одобрение.

А прощаясь со мной и Сацем в передней, он сказал, отвечая на заданный вопрос: «А и оставшийся без ответа вопрод: «А дверь открытой держ, так это потому, что после одиночки ненавижу, знаете ли, закрытые двери».

Горбатов умер в 1973 году, на два года пережив Твардовского, и похоронен на Новодевичьем. Когда я иду в тот угол кладбища, где лежит Александр Трифонович, по дороге делаю крюк и подхожу к надгробию Горбатова. Поясной портрет его из гранита — кавалерийская выправка, грудь вперед, смотрит строго, неуступчиво, будто вот-вот произнесет упрямо: «Не то что до Волги — до Днепра бы не допустили...»

ХАМЕЛЕОН МЕНЯЕТ ОКРАСКУ

СОБЫТИЯ,
ФАКТЫ,
ДОКУМЕНТЫ

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ
ДЬЯКОВ. ОДИН ИЗ
СТАРЕЙШИХ СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ. БЫЛ НЕЗАКОННО
РЕПРЕССИРОВАН
В 1949 ГОДУ.
СТОТЫСЯЧНЫМ ТИРАЖОМ
В КОНЦЕ ПРОШЛОГО
ГОДА В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
ВЫШЕЛ ЕГО
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ
РОМАН «ПЕРЕЖИТОЕ»
В ТРЕХ КНИГАХ.

«КРИВИТЬ ДУШОЙ Я НЕ МОГУ»

В интервью еженедельнику «Ветеран» (иллюстрированное приложение к газете «Труд», издание Всесоюзной организации ветеранов войны и труда) Б. Дьяков отмечает: «...Когда я закончил трилогию и принес ее в издательство, меня там приняли настороженно... Доводы к сокращению рукописи большей частью были несостоятельные, перестраховочные. «Ну зачем, — говорили мне, — с такой тщательностью ворошить прошлое. Ведь многие отрицательные персонажи книги еще живы, а у тех, кто умер, есть родственники. Каково им будет читать такую обнаженную правду?»

Не очень приятно было встречено мое предложение сохранить несколько глав о лагерном периоде моей жизни. Я, правда, писал об этом в «Повести о пережитом». Но та книга, изданная в 1966 году, больше не переиздавалась.

Мне предъявили обвинение в том, что я в 30-е годы будто бы участвовал в правотроцкистском блоке Варейкиса *.

Далее Б. Дьяков подробно рассказывает об издевательствах и пытках, которым был подвергнут в заключении: «...посажен в подвальный кар-

цер... полураздетый, не двигаясь, стоял на полу, залитом жидким мазутом, а стены были опрысканы жидким аммиаком. Я задыхался. Меня не кормили, запрещали сидеть, спать.

...Находясь в лагере, я, в отличие от Солженицына, наряду с негодными встречал людей, не потерявших веру в силу ленинской правды, в конечное торжество социальной справедливости... Солженицын же все видел в черном свете» («Ветеран», 1988, № 9).

В заключение беседы Б. Дьяков выразил надежду, что его произведения будут переизданы, поскольку в Госкомиздат поступает много писем с этой просьбой.

ИЗ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
Н. ШЕЛЕШНЕВА

Осенью 1967 года Н. Е. Шелешнев обратился в Прокуратуру СССР с просьбой реабилитировать его и в подтверждение своей невиновности представил книгу Б. Дьякова «Повесть о пережитом», в которой, в частности, рассказывается о заключенном Николае Шелешневе, мотористе-электрике, по кличке Капитоша (он играл на лагерной сцене Капитошу в пьесе Островского «Свои люди — сочтемся»): «Капитоша увлекся литературой, любил театр и на этой почве сдружился с Дмитриевским и Четвериковым. Они знали, что в первый час войны комсомольский билет Николая Шелешнева был залит кровью, что этот необыкновенно подвижной, с горячим сердцем юноша — жертва судебного произвола».

На титульном листе книги — дарственная надпись: «Дорогому «Капитоше» Шелешневу — мужественному человеку и патриоту, с неугасимым комсомольским огоньком в душе на добрую память от автора. Бор. Дьяков. 12.04.66 г.».

В предисловии автор заявляет, что в книге нет вымысла и он рассказывает о том, что сам видел, слышал, пережил.

Учитывая это, Прокуратура СССР по жалобе Шелешнева возбудила производство по вновь открывшимся обстоятельствам и установила: оснований для реабилитации нет.

В постановлении о прекращении производства по делу Н. Е. Шелешнева от 20 января 1968 года сказано: «Шелешнев признан виновным и осужден за то, что, находясь в плену, в сентябре 1943 г. добровольно поступил на службу в немецкую армию, принял присягу на верность фашистскому правительству, получил за-

* Варейкис Иосиф Михайлович (1894—1939) — член КПСС с 1913 года, советский государственный и партийный деятель, был первым секретарем областных (Центрально-Черноземного и Воронежского) и краевых (Сталинградского и Дальневосточного) комитетов партии, членом ЦК ВКП(б), членом ВЦИК и ЦИК СССР. Б. А. Дьяков в интервью еженедельнику «Ветеран» отмечает: «Работая в редакциях партийных газет Воронежа, Сталинграда и Хабаровска, я несколько раз встречался с Варейкисом — и в рабочей, и домашней обстановке». — Прим. ред.

ние рядового эсэсовца, а вместе с этим установленный образец форму и жалование 30 марок в месяц...

На предварительном следствии и в суде Шелешнев признал себя виновным в предъявленном ему обвинении и дал подробные показания об обстоятельствах пленения, посястпления на службу к немцам и о сотрудничестве с ними на протяжении 1943—1945 гг. (лист дела 64—95, 124—125)...

Автор книги «Повесть о пережитом» Б. Дьяков написал о Шелешневе как о «жертве судебного произвола», не имея к тому каких-либо оснований.

Будучи допрошен по этому вопросу, свидетель Дьяков показал, что он Шелешнева ранее не знал, о нем в книге написал со слов Гуральского, находившегося вместе с ним в местах заключения... (лист дела 372—373, 444—445)...

Кто же такой Гуральский? Материалы дела показывают, что действительно его имя — Хейфиц Абрам Яковлевич. 17 ноября 1950 года он был осужден к 10 годам лишения свободы. В реабилитации ему Верховным судом СССР 23 июня 1955 года отказано, поскольку, являясь негласным сотрудником органов госбезопасности, он дезинформировал эти органы, занимался фальсификацией материалов, голословно утверждал о наличии очагов иностранных разведок в государственном и партийном аппаратах Советского государства, принимал участие в «разоблачении» Бела Куна, Пятницкого, Чубаря, Любченко, Гринько* и других, которые были обвинены в тяжких преступлениях, осуждены к высшей мере наказания по сфальсифицированным материалам.

Б. Дьяков в «Повести о пережитом» рисует Гуральского как партийного работника, героя большевистского подполья, соратника видных деятелей КПСС и Коминтерна, который якобы был безвинно репрессирован и позже реабилитирован.

ПО МАТЕРИАЛАМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА Б. ДЯКОВА

Б. А. Дьяков, 1902 года рождения, русский, с незаконченным высшим образованием, арестован 1 ноября 1949 г. по подозрению в проведении антисоветской агитации.

Словесный портрет по анкете арестованного: рост — средний, фигура — полная, голова — с проседью, глаза — серые, лицо овальное, брови — широкие, нос — толстый, рот — большой, губы — тонкие. Особые приметы: родинка на левой щеке.

На фронте не был, имел бронь.

Б. Дьяков Особым совещанием осужден 6 сентября 1950 г. по статье 58-10-11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы за антисоветскую агитацию и принадлежность к троцкистской организации.

* Чубарь Влас Яковлевич (1891—1939) — советский государственный и партийный деятель, член КПСС с 1907 года, был членом Политбюро ЦК ВКП(б), ВЦИК, ВУЦИК, ЦИК СССР и его Президиума.

Гринько Григорий Федорович (1890—1938) — советский государственный и партийный деятель, был наркомом финансов СССР, кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

Любченко Панас Петрович (1897—1937) — советский государственный и партийный деятель, был секретарем ЦК КП(б) Украины, председателем Совнаркома УССР, членом ЦИК СССР.

Пятницкий (Таршис) Иосиф Аронович (1882—1938) — деятель российского и международного революционного движения, член Коммунистической партии с 1898 года, был членом ЦК ВКП(б).

Кун Бела (1886—1939) — деятель венгерского и международного коммунистического движения, один из основателей Компартии Венгрии.

ИЗ ПИСЬМА Б. ДЯКОВА МИНИСТРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР

«Два с лишним года я нахожусь в заключении, не совершив никакого преступления перед партией и Советским государством — ни словом, ни делом, ни мыслью. Сиджу среди врагов в чуждой и гнетущей меня духовной атмосфере. Временами кажется, что все это происходит в каком-то страшном бреду...»

В 1937 г. вместе с Мельниковым Г. Н. и другим моим лжесвидетелем Терентьевым Ф. И. были арестованы еще 6 сотрудников «Сталинградской правды». Им тогда было предъявлено такое же обвинение, как и мне 12 лет спустя. Их тогда, так же как и меня, Мельников и Терентьев уличали в принадлежности к редакционной троцкистской группе. Эти 6 чел. находились под следствием два года, и в 1940 г. их освободили, восстановили на работе и в партии. Вражеская клевета была разоблачена. Они полностью в курсе того, как появились в 1937 г. материалы, на основании которых я теперь осужден...

Вы знаете, что враги народа, сидевшие до 1937 г. в руководящих организациях Воронежской и Сталинградской областей, широко афишировали себя безупречными большевиками, и не я один верил в их преданность партии, не я один мог распознать в них двуликих Янусов. Вы знаете также, что порою они показно и лицемерно проявляли себя инициативными руководителями: то была ширма, за которой им легче было прятать свое вражеское лицо...

Должен сказать, что я никогда, к счастью, не рабоблепствовал перед руководителями области. В газетах нет ни одной моей подхалимской статьи, хотя и Варейкис и Швер*, и иже с ними что было было раздували свои авторитеты, насаждали культ преклонения перед ними. Но для этой цели они прибегали к помощи не местных журналистов, а известных московских писателей, занимающих и сейчас видное положение в Союзе писателей.

Если потребуется, я могу дать об этом подробное показание, но были или не были у этих писателей преступные связи с Варейкисом или Швером — такими данными я не мог располагать и не располагаю...

Не скрою, что я также был обманут всей этой широковетчатальной шумихой о Варейкисе как якобы о крупном партийном руководителе, и все же, повторяю, несмотря на все это, никогда его не воспева. Наоборот, так складывались обстоятельства, что я, сам того не подозревая, часто преподносил ему горькие пилюли и однажды чуть не поплатился за это жизнью. Безусловно, многие воронежцы и сталинградцы до сих пор это помнят. Вот факты:

1) В 1934 г. мною были подобраны для печати материалы, резко критикующие положение с животноводством в области, в частности, разоблачающие вредительскую деятельность ряда ветеринарных работников, виновных в чрезмерно высоком падеже скота и свиного поголовья. Зав. редакцией Мельников Г. Н. положил эти материалы под сукно. На этой почве между нами вспыхнула ссора, и я подал заявление редактору с требованием освободить меня от работы в редакции. Швер предложил компромисс: направить материалы на согласование нач. ветеринар-

* Швер Александр Владимирович был редактором воронежской «Коммуны», «Сталинградской правды», «Тихоокеанской звезды» в 30-е годы. Под его руководством в этих газетах работал Б. А. Дьяков. — Прим. ред.

ного управления Викторову (пользовавшемуся, как известно было в редакции, большим авторитетом у Варейкиса). Я заявил, что в таком случае передам материалы в «Правду». Тогда Швер приказал их напечатать.

Викторов вскоре был арестован, приговорен к высшей мере наказания, и, как потом выяснилось, эти материалы были тоже использованы, как обвинительные.

2) 11 января 1936 г. в «Сталинградской правде» был напечатан мой фельетон, нанесший удар по сподручному Варейкиса троцкисту Будняку — директору завода «Баррикады». Этот фельетон настолько взбесил Варейкиса, что он снял меня с работы и публично ошельмовал (см. «Сталинград. правду» от 12.1.36 г.). Лишь под общественным нажимом (письмо рабочих завода в «Правду») я был через 4 месяца восстановлен в должности фельетониста, с опубликованием в печати. А в 1937 г. в Сталинградском управлении НКВД мне сообщили, что Будняк расстрелян, а фельетон приобщен к его делу, как один из уличающих материалов.

3) Осенью 1937 г. «Тихоокеанская звезда» напечатала мой фельетон «Под вывеской музыкальной комедии», который вскрыл в Хабаровском театре группу антисоветчиков. Эта группа была репрессирована.

Это только то, что удается сейчас вспомнить. Вообще же и в «Коммуне», и в «Сталинградской правде» ежемесячно помещалось не менее 8—10 моих статей, в которых я, не лицепритвляясь, со всей остротой обрушивался на факты антисоветского, антипартийного характера. Ряд этих статей и фельетонов, с одной стороны, оказывал, как Вы видите, помощь органам, а с другой (как теперь становится ясным) — оставался бельмом в глазу у Варейкиса. Поэтому нет ничего удивительного в том, что он на следствии в 1937 г. обнаруживаемый ненавистью ко всем и к каждому, кто хоть мизинцем когда-либо прямо или косвенно прикоснулся к нему, назвал мою фамилию, попытавшись нанести удар и по мне.

Кроме того, считаю своим долгом сообщить Вам, что, работая в Сталинграде, я в течение ряда лет являлся секретным сотрудником органов, причем меня никто никогда не понуждал к этой работе, я выполнял ее по своей доброй воле, так как всегда считал, и считаю теперь своим долгом постоянно, в любых условиях, оказывать помощь органам в разоблачении врагов СССР. Это я делал и делаю...

Выполняя конкретные поручения органов, я сдал в Сталинградское управление НКВД ряд материалов об антисоветской агитации, проводившейся отдельными лицами и группой лиц, работавших в литературе и искусстве. В частности, о клеветнических произведениях местных писателей Г. Смольякова, И. Владского и других (осуждены органами); о систематической вражеской агитации, которую вел финский подданный, артист Сталинградского драмтеатра Горелов Г. И. (он же Полежаев Г. И.), прикрывая ее симуляцией помещательства (осужден в 1941 г.); о враждебной дискредитации Терентьевым Ф. И. знаменитого советского писателя А. Н. Толстого на банкете в редакции в 1936 г., и т. д...

29 мая 1950 г. подал заявление в МГБ СССР (через следователя Чумакова) о подрывной работе ряда лиц в советской кинематографии. Судя по газетам, часть моих сообщений подтвердилась...

В декабре 1950 г. в Озерлаге на лагпункте 02 я выдал органам письменное обязательство содействовать им в разоблачении лиц, ведущих антисоветскую агитацию. Это содей-

ствие я оказываю искренне и честно и нахожу в этом моральное удовлетворение от сознания, что я и здесь, в необычных условиях приношу известную пользу общему делу борьбы с врагами СССР.

...Конечно, я не святой человек, бывали и в моей работе ошибки, но ошибки невольные, случайные, не причинявшие вреда общему делу.

Такова моя жизнь, такова моя работа и таков их жестокий конец.

Обращаюсь к Вам, как к члену Советского правительства, как Министру государственной безопасности: не оставьте без внимания это письмо;

не допустите, чтобы зря была загублена моя жизнь, мои творческие способности — я могу, я хочу, я должен принести еще большую пользу;

дайте, пожалуйста, распоряжение пересмотреть мое дело с учетом всего здесь изложенного, снимите с меня тяжкий груз клеветы, окажите мне политическое доверие, и я всесторонне оправдаю его.

Борис Дьяков

7 января 1952 г.
Озерлаг, л/п 02».

НЕОБХОДИМОЕ РЕЗЮМЕ

С 1953 по 1968 год мы занимались проверкой уголовных дел репрессированных в послевоенное время. Много, очень много безвинно осужденных было представлено тогда на реабилитацию. Многим было возвращено честное имя. К сожалению, зачастую посмертно.

Были и немногие, которым отказывалось в реабилитации, как, например, это сделано в отношении изменника Родины Н. Шелешнева. Его, активно сотрудничавшего с эсэсовцами, писатель Б. Дьяков в своей книжке «Повесть о пережитом» изобразил отважным подпольщиком.

Н. Шелешневу на законных основаниях было отказано в реабилитации, несмотря на активное заступничество Б. Дьякова. Писатель пытался доказать недоказуемое. Мы вынуждены были придать этому делу огласку, и газета «Советская Россия» в 1968 году напечатала две публикации, в которых показано истинное лицо предателя и серьезно критиковался его защитник писатель Б. Дьяков.

Прочитав недавно в «Ветеране» публичное заявление Б. Дьякова о том, что он никогда не кривил душой и намерен переиздать свои книжки «Повесть о пережитом» и «Пережитое» в издательстве «Советская Россия», где долгие годы был редактором, мы решили обнародовать известные нам факты из его прошлой деятельности.

На такой шаг, должны признаться, мы решились не сразу. Нас сдерживал преклонный возраст писателя. Однако, обсудив еще раз все и учитывая, что факты касаются не только одного Дьякова, но и тех, кто так легко решился на издание книги вопреки уже известным обстоятельствам неправомерного поведения писателя, о которых были информированы и руководство издательства, и Правление Союза писателей СССР, мы решили предать гласности эти факты.

Нас побудило к этому и то, что еженедельник «Ветеран», доверившись Б. Дьякову, не сумел объективно рассказать о нем всю правду и ввел в заблуждение широкую общественность.

Н. МОЗГОВ,
генерал-майор,
бывший начальник окружного
управления КГБ,
Б. ПЛЕХАНОВ,
полковник юстиции,
бывший прокурор отдела
Главной военной прокуратуры.